

ОШО

Мистическая теология

Беседы о трактате
святого Дионисия

ОШО

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)
Мистическая теология. Беседы
о трактате святого Дионисия
Серия «Ошо – классика, Путь
мистика / Ошо-классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40496708

Мистическая теология. Беседы о трактате святого Дионисия / Ошо,

Перев. с англ.: Вель; Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-9573-0395-4

Аннотация

Преодоление раскола внутри человечества и осознание единства основ восточных и западных религиозных традиций – основная идея бесед Ошо о трактате святого Дионисия «Мистическая теология».

Проводя параллели между Западом и Востоком, Ошо предлагает и свежий взгляд, и ясное понимание, и пути сближения, но самое главное – слова Мастера выводят нас за пределы двойственности, помогая внести свет и гармонию в свой внутренний мир.

В конце каждой беседы Ошо отвечает на вопросы своих слушателей – с любовью, глубоким принятием и большим количеством шуток.

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ошо

Мистическая теология.

Беседы о трактате святого Дионисия

OSHO

и

подпись

Ошо

являются зарегистрированными торговыми марками и используется с разрешения Osho International Foundation.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/ 52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

© 2004, Osho International Foundation, Switzerland, www.osho.com

© Издание на русском языке, оформление. ОАО «Издательская Группа «Весь», 2008

Перевод на русский язык *А. В. Кострикова*

под редакцией *Е. В. Мистюковой (Ma Bodhi Shola)*,

*О. А. Яковчук (Ma Dhyam Shameena),
А. Ю. Суворовой (Ma Gyan Astika)*

Дорогой Читатель!

Искренне признателен, что вы взяли в руки книгу нашего издательства.

Наш замечательный коллектив с большим вниманием выбирает и готовит рукописи. Книги одного из величайших мыслителей XX века Ошо – полны здравого смысла, свободы от стереотипов и понимания того, что каждый человек имеет право быть просветленным по факту своего рождения. Ошо говорил: «Мое дело – дать вам радость в жизни, сделать так, чтобы вы любили жизнь, пели, танцевали – потому что жизнь – это праздник». Он также сказал что «сознание, которое продолжает расти, на каждом новом шаге будет неизбежно противоречить тому шагу, что ему предшествовал». Стремление к развитию является генетической основой русской духовной культуры и ведет человека дорогой пробуждения любви и совести. Совестьливый человек смотрит на мир искренне и просто. Он способен вбирать самое лучшее из других культур и традиций, оставаясь самим собой и не предавая своих корней. Суровые климатические условия и большие пространства России рождают смелых людей с чуткой душой – это идеал русского человека. Мы верим, что духовное стремление является прочным основанием для полноценной жизни и способно проявиться в любой сфере человеческой деятельности. Это может быть семья и воспитание детей, наука и культура, искусство и религиозная деятель-

ность, предпринимательство и государственное управление. Возрождайте свет души в себе, поддерживайте его в других. Именно эти усилия укрепляют наши души, вдохновляют на заботу о ближних и способствуют росту как личного, так и общественного благополучия.

Искренне Ваш,
Владелец Издательской группы «Весь»

A stylized, handwritten signature in black ink. It features a large, flowing initial letter 'P' on the left, followed by a series of overlapping loops and a final, sharp, zig-zagging tail on the right.

Пётр Лисовский

Глава 1

Это моя молитва

Ты, о Троица, пребывающая за пределами всего сущего, направь нас к вершине мистического откровения, вознеси нас превыше всякого света и мысли, где в прозрачной тьме тайно глаголющей тишины скрыты простые, абсолютные и неизменные божественные истины. Ибо, хоть непроглядна и глубока тьма эта, она вместе с тем и кристально ясна. Незримая и неосязаемая, наполняет она наш незрячий разум дивными образами высшей красоты.

Вот моя молитва. Ты же, возлюбленный Тимофей, искренне погрузившись в мистическое созерцание, откажись от чувств, работы ума – всего, что можно ощутить или узнать, всего сущего и несуществующего. Ибо так ты сможешь невольно прийти в той мере, в которой это возможно, к пониманию цельности того, кто за пределами всего сущего и всего знания. И так чрез неколебимое, полное и чистое отрешение от всего ты вознесешься к тому сиянию божественной тьмы, что за пределами бытия превосходит все и от всего избавлена.

До сих пор человек жил в глубокой шизофрении. Несложно понять причину произошедшего внутри него раскола. На протяжении многих веков ему твердили, что мир не являет-

ся единым, что он состоит из двух миров: мира материального и мира духовного. Это совершеннейший вздор.

Мир состоит из одной-единственной истины. Конечно, у истины есть два аспекта, но их нельзя отделить друг от друга. Внешний аспект проявляется в материи, а внутренний – в духе, как центр и периферия круга. Это разделение тысячу и одним способом проникло в ум человека. Разделены тело и душа. Разделено низшее и высшее. Разделены грех и добродетель. Разделены Восток и Запад.

Сегодня внутреннее расщепление человека таково, что мы почти чудом еще способны собирать себя из такого великого множества осколков. Вся наша энергия уходит лишь на попытки сохранять целостность, так как мы все время распадаемся на части.

Избавиться от этой шизофрении, покончив с разного рода разделением, достичь единства внутри человека, который не будет ни тем ни другим, ни Востоком ни Западом, ни женщиной ни мужчиной, – острая необходимость наших дней. Мистики называли целостного человека богом, истиной, *мокшей*, абсолютom, *нирваной*, *дхаммой*, логосом, дао. Различные имена – но указывают на одну и ту же реальность. Прежде мы как-то еще могли позволить себе жить в таком расщепленном состоянии, но сегодня это уже невозможно.

Мы подошли к тому моменту, когда нужно принимать решение. Если мы хотим продолжить свое существование, нам придется осуществить синтез, или, скорее, трансценден-

цию всего, что носит природу двойственности. Если вопрос о продолжении существования не стоит, то нет и проблем. Если мы намерены совершить глобальное самоубийство, то естественным образом все проблемы будут решены. Но я не думаю, что кто-либо жаждет или желает этого.

Человек, несмотря на все свое безумие, достиг многого, многих вершин: религиозных, эстетических, поэтических, музыкальных. И произошло это вопреки тому сумасшествию, которое мы поддерживаем и питаем, поскольку интересы общества не предполагают внутреннего единства и целостности человека, интересы общества требуют, чтобы люди оставались разделенными.

Редьярд Киплинг как-то сказал: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут...» – таким образом обозначив их позиции. Обществу нужно, чтобы мир оставался раздробленным на множество религий, философий, политических идеологий – любой способ хорош, лишь бы не допустить появления целостного человека. Почему? Потому что человека, достигшего внутреннего единства и интеграции, невозможно сделать рабом. Ни политики, ни священники не смогут его эксплуатировать. Он практически полностью освобождается от всех форм подавления и эксплуатации. Он обретает индивидуальность и разум, в нем пробуждается бунтарь. Его ум становится таким острым и ясным, что он насквозь видит все предрассудки, какими бы они ни были древними. Он видит ту глупость, которой пронизана

человеческая жизнь и, мало того, – которую человечество возвеличивает. Он видит, что существование множества наций и религий глупо и совершенно бессмысленно.

В мире насчитывается около трехсот религий и по меньшей мере три тысячи их ответвлений. Очевидно, что с отделением материи от духа происходит раскол в самом существовании человека, так как тело, материя есть не что иное, как проявленный дух, а дух есть не что иное, как непроявленное тело или материя.

Бог существует не отдельно от мира. Неверно то предположение, что бог является создателем, а мир – чем-то созданным. Бог и мир едины. Они представляют единый процесс созидания. Созидание можно разделить на две части: на создателя и на созданное, однако на самом деле такое разделение чисто условно. Существует лишь *единый* поток творения. Позвольте мне в который раз вам напомнить, что бог – не создатель, а мир – не создание. Существование представляется нам в виде созидательной энергии, текущей подобно реке.

Мои саньясины должны прочувствовать это единство всеми возможными для них способами, чтобы ни в одном уголке их существа не осталось никакой раздвоенности. Запад очень гордится своим материализмом, наукой, технологией. Эта гордость мешает ему прийти к глубокому единению с Востоком, но по сравнению с восточным эго эта гордость просто ничто.

Восточное эго гораздо тоньше, оно куда более опасно, в нем намного больше яда. Восточное эго притворяется духовным, оно размышляет и разглагольствует о духовности. Конечно, тем, кто считают себя духовными, легче осуждать материалистов, чем материалистам нападать на тех, кто считают себя духовными, потому что даже материалисты каким-то образом ощущают, что материя относится к реальности низшего порядка. Возможно даже, что на сознательном уровне материалист не верит в высшую реальность, но его вера обуславливалась с давних времен, и эта обусловленность проникла в его кровь, в его кости, дошла до самого мозга костей. Так что человек может стать материалистом на сознательном уровне, но в глубине души он все равно будет ощущать себя причастным ко всему человеческому наследию. Поэтому западное эго не представляется слишком опасным, а вот восточное эго действительно опасно по той простой причине, что оно более тонко, более скрыто, не выставляет себя напоказ и является более бессознательным.

Восток постоянно провозглашает себя источником всей духовности, всего мистицизма. Это откровенная чушь, рассчитанная только на невежд. Если вы спросите любого так называемого восточного махатму о существовавших в других частях света духовных мастерах, то с удивлением обнаружите, что он ничего об этом не знает. Он не слышал ни о Лао-Цзы, ни о Чжуань-Цзы, ни о Ли-Цзы, ни о Ко Шуане. Он не слышал ни о Басе, ни о Бокудзю. Он ничего не знает

ни о Пифагоре, ни о Гераклите, ни о Дионисии.

Предметом обсуждения наших бесед будет Дионисий. Это один из самых великих будд. И когда восточному ученому выпадает, если выпадает вообще, редкий случай узнать о таком человеке, как Дионисий, он, естественно, думает, что Дионисий позаимствовал что-то с Востока. Существует нечто вроде молчаливого согласия, что Восток обладает некой монополией на духовность. Ни у кого нет никакой монополии. Для духовного роста неважно, Восток это или Запад. У Иисуса была возможность стать буддой в Иерусалиме, у Лао-Цзы была возможность стать буддой в Китае, у Дионисия – в Афинах. Зачем нужно у кого-то что-то заимствовать?

Совсем недавно ученые столкнулись со странным явлением: каждый раз, когда какой-либо ученый совершает открытие, практически одновременно кто-нибудь на Земле так или иначе его повторяет. Говорят, что Альберт Эйнштейн как-то заметил: «Если бы я не открыл теорию относительности, в течение двух лет это обязательно сделал бы кто-то другой».

Почему ученый, работающий в далекой России, делает открытие почти одновременно со своим английским, американским, индийским или японским коллегой, хотя они друг о друге ничего не знают, даже не подозревают? Они не знают, что где-то вообще есть человек, который работает над той же самой проблемой.

Что касается всех великих открытий, то становится все

более и более очевидным, что, хотя сознательный ум и прикладывает первоначальное усилие, окончательный ответ всегда приходит из бессознательного. А глубочайшим слоем бессознательного разума является коллективное бессознательное. Я отличаюсь от вас как личность, вы отличаетесь как личность от меня – в том, что касается сознательного ума. На чуть более глубоком уровне бессознательного между людьми уже меньше различий. А на глубоком уровне коллективного бессознательного мы становимся еще ближе друг другу.

Но мистики утверждают, что существует нечто даже большее, чем коллективное бессознательное. Они называют это вселенским бессознательным – или богом. Это самый центр. В центре мы все встречаемся, образуя единое целое. Все великие догадки приходят к нам оттуда. Разница лишь в том, что тот, кто смотрит в этом направлении, первым и заметит мысль об открытии. Другими словами, такие мысли посещают многих людей, но они не обращают на них внимания и поэтому упускают открытия.

В своей работе, посвященной маленькому, но чрезвычайно красивому трактату святого Дионисия «*Theologia Mystica*», Алан Уоттс пишет о том, что у него возникло сильное искушение предположить, что Дионисий путешествовал по Востоку. Либо Афины посетил какой-то восточный мистик.

Александр Великий разрушил барьеры и навел мосты

между Западом и Востоком. Во времена Дионисия многие западные путешественники побывали в Индии. Процесс этот не был односторонним: восточные мистики также совершали путешествия на Запад. Даже джайнские монахи, не носившие одежды, начали стекаться в Александрию, в Афины и в самые отдаленные уголки известного им мира. А для них западный климат подходил еще меньше, чем для вас климат Пуны. В древнегреческих трактатах джайнов называют *гимно-софистами*. *Софист* означает: «тот, кто ищет истину», а *гимно* происходит от слова «джайн». Гимнософистами называли проникших в Афины джайнских мистиков.

Между Индией и Грецией процветали деловые отношения. И конечно же, странствующие купцы способствовали широкому обмену мыслями.

Алан Уоттс полагает, что Дионисий побывал в Индии... поскольку то, что он говорит, понимание, которым он делится, создает впечатление, что он знаком с Востоком. Даже слова его напоминают один из текстов Упанишад как нечто другое. Поэтому Уоттс полагает, что либо Дионисий посещал восточные страны или каким-то иным образом попал под сильное влияние Востока, либо кто-то приехал оттуда в Афины. Но я совсем не склонен так думать.

Собственный опыт и наблюдения привели меня к мысли о том, что великие истины почти в неизменном виде возникают в умах людей повсюду. Лао-Цзы никогда не был в Индии, и оттуда его никто никогда не посещал. Китай и Индию

разделяют Гималаи, связи между этими странами тогда не было *никакой*, деловые отношения отсутствовали. И все же мысли Лао-Цзы так напоминают Упанишады и учение Будды, что возникает огромное искушение предположить наличие какой-то связи: либо Будда позаимствовал учение Лао-Цзы, либо Лао-Цзы позаимствовал учение Будды.

Но я могу сказать, что никто ни у кого ничего не заимствовал, все они испили из одного и того же источника. А когда вы пробуете на вкус океаническую воду, то не важно, на каком берегу – китайском или индийском – вы в этот момент находитесь: вкус ее будет один и тот же, все та же соленая вода. Так и с истиной: ее вкус и аромат повсюду одинаков. Могут существовать определенные языковые особенности выражения истины, но они не играют большой роли. Порой даже и такие различия отсутствуют.

Дионисий – христианин, и христианин настоящий. Похоже, что Фридрих Ницше не был знаком с личностью Дионисия и его трактатом, иначе он не заявил бы, что первый и последний христианин умер на кресте две тысячи лет назад. В действительности в христианской традиции кроме Иисуса было еще несколько «христов», и Дионисий – один из самых замечательных. К их числу относятся также Майстер Экхарт, святой Франциск, Якоб Беме и другие. Их, разумеется, было немного, поскольку христианство превратилось в столь организованную религию, что в нем не осталось места для мистиков. И даже если они и существовали, то уходили в «под-

полье». Им приходилось это делать, другого выхода просто не оставалось.

В России сегодня сложилась такая же ситуация: там сейчас невозможно быть мистиком и не скрываться от властей. Быть мистиком в России значит быть сумасшедшим, нуждающимся в госпитализации, в инсулиновой и электрошоковой терапии.

Будде, Лао-Цзы, Иисусу и Махавире повезло, что они не родились в Советском Союзе. Да, Иисуса бы там не распяли, это так, но ему пришлось бы претерпеть куда более изощренные пытки. Распятие примитивно: вас просто убивают и все. Электрошок вас не убьет, но разрушит вашу красоту, лишит вас всякого великолепия, всего вашего разума. Вас насильно превратят в растение. Вашу жизнь сделают совершенно безвкусной. Вы не умрете, но ваша деятельность сведется к растительному существованию, одному только выживанию. Ваше достоинство будет растоптано.

Иисус умер с достоинством. Он умирал с невыносимой радостью, исполнив свое предназначение. Но если бы он появился на свет в нынешней России, ему пришлось бы либо принять недостойную смерть, либо жить, но жить недостойной жизнью.

Сегодня в России все истинно религиозные люди вынуждены уходить в подполье. К примеру, мои саньясины. Они *работают* под землей, собираясь по ночам в подвалах. Какой уродливый мир мы сотворили, если в нем нельзя от-

крыто медитировать, если запрещены открытые дискуссии о любви и истине. Если человек, который медитирует, вынужден чувствовать себя преступником, это говорит о том, что человечество достигло не прогресса, а, наоборот, во многих областях опустилось на более низкий уровень.

На Западе христианство преследовало прогресс в течение двух тысяч лет. Коммунизм отпочковался от христианства. Все то, что сейчас делают коммунисты, было перенято от христианских священников. Христианство разрушило все условия для развития мистицизма.

Существовало лишь два способа избежать преследований. Во-первых, можно было уйти от людей, в пустыню или горы. Во-вторых, казаться обычным христианином и, пользуясь христианским лексиконом, тайно продолжать внутреннюю работу. Именно этот путь и выбрал Дионисий.

Удивительно, но он был первым афинским епископом. Должно быть, он отличался незаурядным умом. Чтобы проникнуть в глубочайшие тайны жизни подобно Будде, Лао-Цзы или Заратустре, оставаясь при этом афинским епископом, нужен незаурядный ум. Дионисий притворялся, одурачив организованное христианство.

При нем его трактат не был опубликован. Наверное, такова была его воля. Если бы он выпустил книгу при жизни, его отлучили бы от церкви, подвергли пыткам и преследованиям. Понимающий, не склонный к самоубийству человек не станет лишним раз напрашиваться на преследования. Если

страданий не избежать, он воспримет их как вызов, но никогда не будет искать их специально, мечтая заслужить славу мученика. Он не самоубийца и не хочет, чтобы к нему применялось насилие.

Дионисий уникальный человек. Будучи епископом, он жил в самом центре тупого, жестко организованного христианства и, несмотря на это, сумел достичь высочайших вершин сознания. Это достойно восхищения.

Прежде чем мы приступим к чтению прекрасных сутр Дионисия, необходимо, чтобы вы кое-что поняли. Во-первых, эти сутры были адресованы Тимофею, ученику Дионисия. Все поистине великое, высокое и трансцендентное можно верить только ученикам. Необходимо обращаться к тем, кто тебя любит, чье сердце бьется в гармонии с твоим. О важном нельзя говорить массам, толпе, своим противникам или тем, кому это будет безразлично. К великим истинам можно приобщиться лишь тогда, когда есть любовь. Истина передается только от мастера ученику.

Ученик – это тот, кто открыт, кто готов к восприятию. Быть учеником – значит испытывать настолько полное доверие, что не остается никакого места для спора, поскольку о глубоких истинах невозможно спорить. Либо вы их poznали, либо не poznали, но о них невозможно спорить. Нет никакого другого доказательства, кроме вашего доверия мастеру.

Конечно, если вы доверяете ему, он может подвести вас к окну, из которого вы увидите бескрайнее небо во всем его великолепии... миллионы звезд. Но вам придется доверять ему хотя бы настолько, чтобы позволить взять себя за руку и подвести к окну. Если вы начнете спор об окне и станете сомневаться в его существовании, вас ни в чем не удастся убедить.

Доказательств существования бога нет, не было и никогда не будет. Познавшие истину – познали, и познали лишь благодаря глубокой близости, влюбленности в мастера. Это не убеждение или обращение в определенную идеологию, это просто бесконечная любовь. Вы сталкиваетесь с таким человеком, как Дионисий, и одного его присутствия достаточно: само его присутствие становится доказательством того, что в жизни случается многое такое, о чем вы даже не подозревали. Присутствие этого человека проникает в самую глубину вашего сердца. Оно обнаруживает в вас нечто, задевает в вашей душе такие струны, существование которых вы прежде не осознавали. Вы начинаете слышать песню, вы начинаете видеть красоту, оказавшись в новом, приподнятом, экстатичном расположении духа безо всякой видимой на то причины. И вы можете сдать эго такому человеку.

Когда вы сдаетесь мастеру, мастер служит лишь поводом. Вы сдаетесь не мастеру, а богу. На самом деле вы просто сдаетесь. Неважно кому, дело не в том, *кому* вы сдаетесь, а в том, что вы *сдаетесь*. Как только вы сдаетесь, у вас появля-

ется шанс на объединение.

Итак, сутры – это письма Дионисия своему самому любимому ученику Тимофею.

Во-вторых, важно помнить то, что, превратившись в религию, повествующую *об* Иисусе, христианство утратило нечто очень важное. Поскольку оно стремилось стать религией *об* Иисусе, оно не смогло стать религией Иисуса. А религия *об* Иисусе – это *не* религия Иисуса. На самом деле такая религия *противоречит* религии Иисуса, потому что, когда религия начинает повествовать вам о человеке, вы теряете контакт с внутренней реальностью этого человека, интересуясь, прежде всего, его внешними проявлениями.

Христианство слишком усердно стремилось следовать примеру Иисуса. Это задало неверное направление. Никто не может следовать примеру Иисуса, его жизнь никому не может послужить примером, поскольку любая жизнь существует в определенном контексте. Чтобы стать в точности таким же, как Иисус, вам потребуется восстановить *всю* ту ситуацию, *весь* тот контекст, в котором протекала его жизнь. Где вы сможете сейчас найти такой контекст? Жизнь все время меняется; проходит всего одна секунда – и все уже выглядит иначе. Вы не сможете стать Иисусом из Назарета, это невозможно; Назарета больше не существует. Вы не сможете стать Иисусом, потому что иудейского ума евреев, распявших Иисуса, больше нет.

Среди моих саньясинов тысячи евреев. Иисус не поверил

бы своим глазам, если бы их увидел! Он был евреем – родился евреем, говорил на их языке, верил всем основным принципам иудаизма – и все же не смог собрать стольких последователей. Я не еврей – я не говорю на языке евреев, я не верю в иудейские принципы – и все-таки я смог найти тысячи евреев. Контекст изменился, мир стал совершенно другим. Прошло двадцать столетий.

Кроме того, всякий раз, когда вы пытаетесь следовать какому-либо человеку, приняв его за образец, вы начинаете подражать, имитировать, фальшивить, утрачиваете свою подлинность, перестаете быть собой. Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что на протяжении двух тысяч лет христианство утверждало крайне абсурдные вещи. Абсурд заключается в том, что, с одной стороны, христианство говорит: «Следуйте за Иисусом, подражайте Иисусу! Пусть вашим примером будет Иисус!» – а другой стороны, то же христианство вечно твердит: «Иисус есть Бог, Его единственный Сын, и вы не можете рассчитывать на такие же отношения с Господом». Видите, какой абсурд? Сначала вы говорите: «Следуйте за Иисусом, будьте как Иисус!» – а затем вы лишаете себя всякой возможности уподобиться ему, потому что он находится в особых отношениях с богом, а вам самим в таких отношениях отказано, они для вас недоступны.

Поэтому, проповедуя подобный абсурд, христианство создало невозможную религию. Столь абсурдный подход будет создавать в людях лишь чувство вины. Они пытаются под-

ражать Иисусу, но не могут стать такими же, как он. Отсюда возникает чувство вины, они чувствуют себя виноватыми. Ни одна религия в мире не вызывала такого чувства вины, как христианство. Оно оказалось настоящим бедствием по той простой причине, что религия не должна вызывать чувства вины. Если это происходит, то человек впадает в депрессию, чувствует неудовлетворенность и начинает в душе даже желать самоубийства.

Истинная религия возвышает, расширяет, обогащает ваше бытие, делает вашу жизнь более радостной, дает вам больше возможностей для праздника и веселья. Сам Иисус постоянно говорил своим ученикам: «Возрадуйтесь! Возрадуйтесь! Говорю вам, возрадуйтесь!» А что сделало христианство? Оно совершило как раз противоположное. Дионисий этот факт прекрасно осознавал.

В-третьих, учтите вот что. Истина переживается как музыка – да, скорее всего как музыка, чем что-либо другое, поскольку музыку невозможно описать словами. Вы можете сказать, какая прекрасная музыка, но это только ваша оценка, ваше суждение. При этом вы описываете не музыку, а настроение, ею навеянное. Красота музыки неопишима.

То же верно и в отношении религиозного переживания. Поэтому истинная религия всегда находится под покровом тайны. «Тайной» я называю то, что можно ощутить, пережить, но невозможно описать словами. Даже если вы что-то и знаете, вы не можете сделать так, чтобы об этом узнали

другие. Вы словно лишаетесь дара речи. Чем больше вы знаете, тем в большей степени вы лишаетесь дара речи. И когда вы достигаете абсолютного знания, вы становитесь практически абсолютно незнающими.

Для этого у Дионисия существовало особое слово – «*агнозия*». Вы наверняка слышали слово «агностик» – так называл себя Бертран Рассел. Когда атеист утверждает, что бога нет, и говорит об этом, *как будто* он знает, – это «как будто» всегда присутствует. Он говорит об этом, как будто он исследовал все сущее и обнаружил, что бога нет. Утверждая, что бога нет, он утверждает свое знание. Он – гностик, он знает. «*Гнозис*» значит знание. Теист говорит, что бог есть, как будто он это знает, как будто он достиг абсолютного знания, познал истину. Он тоже гностик: он обладает *гнозисом*, знанием.

Термин «агностик» относится к тому, кто говорит: «Я не знаю, так это или нет. Я не знаю, есть бог или его нет. Я пребываю в полнейшем неведении». Поэтому Бертран Рассел и говорит: «Я – агностик». Он, должно быть, натолкнулся на слово «*агнозия*» у Дионисия. Но Дионисий вкладывает в это слово гораздо больший смысл, наделяет его гораздо большим потенциалом. Бертран Рассел использовал его лишь в качестве логического утверждения. Он был логиком, математиком, но никогда не медитировал, никогда не погружался внутрь себя. Он говорит, что он – агностик, но он никогда не пробовал выйти за рамки агностицизма, как будто

агностицизм – это последнее, чего можно достичь, и нет ничего за его пределами.

По моему мнению, он не настоящий агностик. Атеист говорит: «Я знаю, что бога нет»; теист говорит: «Я знаю, что бог есть»; а агностицизм Бертрана Рассела можно выразить фразой: «Я знаю, что ничего невозможно узнать». Но знание, неявное знание здесь присутствует.

Дионисий говорит, что познать бога, божественное, можно лишь тогда, когда вы не будете *ничего* знать: состояние незнания открывает перед вами дверь в божественное. Под *агнозией* он подразумевает то же, что и Упанишады. Как написано в одних из наиболее известных Упанишад, *Кена-Упанигиадах*:

Его постигает тот, кто не постигает.
Постигшему его – оно неизвестно.
Непонятное тем, кто его понимает,
Оно понятно тем, кто прекращает понимать.

Это также напоминает мне «*Песню просветления*» одного из мастеров дзэн, Юнг-чья:

Его не постичь,
От него не избавиться;
Его узнаешь в неспособности знать —
То, что говорит, когда ты безмолвен;
То, что безмолвно, когда ты говоришь.

Или это также напоминает великое утверждение Сократа: «Я знаю лишь то, что ничего не знаю».

Агнозия означает состояние незнания. Это и есть *самадхи*, это и есть медитация – состояние незнания.

Медитация создает это состояние – *агнозию*. Когда медитация помогает вам сжечь все ваше знание, снимая с вас громадное бремя обусловленности, когда она приводит вас к абсолютному молчанию, и вы начинаете походить на маленького ребенка, исполненного изумления и благоговейного трепета, – это состояние в Индии называют *самадхи*. *Самадхи* означает освобождение от всех проблем: нет больше ни вопросов, ни ответов; внутри наступает полная тишина. Нет больше ни веры, ни сомнения. Дионисий называет это состояние *агнозией*. Именно *агнозия* рождает понимание.

В этом и заключен величайший парадокс мистицизма: познание зависит от вашего незнания, а тот, кто знает, упускает суть. Незнание ценится гораздо выше любого вашего знания. В университетах вам дают знания, но, когда вы попадаете в «поле будды» мастера, вы оказываетесь в антиуниверситете. Обучаясь в университете, вы накапливаете все больше и больше информации, знаний. В антиуниверситете мастера вы мало-помалу разучиваетесь, забывая все, чему вас прежде учили... и однажды наступает такой момент, когда вы уже ничего не знаете.

Это очень странный момент. Дионисий дает ему чрез-

вычайно красивое название – «прозрачная тьма». Многие мистики пытались описать это явление, но Дионисий, похоже, их всех превзошел. Прозрачная тьма... тьма, ставшая чистым светом. Он также называет это явление *doctrina ignorantia*, доктрина неведения. Вы можете сравнить ее со знанием тех, кто знает. Дионисий называет подобных знающих людьми, которые обладают «незнающим знанием». Итак, он делит людей на две категории: те, кто принадлежат миру невежественного знания, – они все знают, но ничего не знают, и вторая категория – это те, кто относятся к миру знающего неведения, – они ничего не знают, поскольку знают все.

А теперь сутры:

Ты, о Троица, пребывающая за пределами всего сущего, направь нас к вершине мистического откровения, вознеси нас превыше всякого света и мысли, где в прозрачной тьме тайно глаголющей тишины скрыты простые, абсолютные и неизменные божественные истины. Ибо, хоть непроглядна и глубока тьма эта, она вместе с тем и кристально ясна. Незримая и неосязаемая, наполняет она наш незрячий разум дивными образами высшей красоты.

Очевидно, Дионисий говорит так, чтобы скрыть свое мистическое откровение за христианской терминологией. Сначала он говорит:

Ты, о Троица, пребывающая за пределами всего

сущего...

В слове «Троица» нет необходимости. Но оно помогает одурачить христианскую организацию, так как ее люди живут в мире слов. Достаточно произнести одно-единственное слово «Троица», и все в порядке: если вы христианин и полагаетесь на христианскую доктрину, то кажетесь безопасным. Поэтому Дионисий начинает со слов:

Ты, о Троица, пребывающая за пределами всего сущего...

Но состояние, которое он приписывает Троице, сразу же наносит удар по христианской доктрине: «*пребывающая за пределами всего сущего*». Ни один мистик еще не осмеливался сказать, что бог пребывает за пределами всего сущего. Многие говорили, что бог пребывает за пределами познания, но Дионисий, похоже, был единственным, кто сумел сказать, что бог не только за пределами познания, *но и* за пределами всего сущего. Нельзя сказать: «Бог есть», нельзя сказать: «Я знаю». Как вы можете знать, есть бог или его нет?

Но вы видите эту ясность, остроту его ума? Он прибегает к слову «Троица». Он начинает со слов «Ты, о Троица, пребывающая за пределами всего сущего...». Если нечто находится за пределами всего сущего, как к нему можно обращаться на «ты»? Это просто видимость, фасад, чтобы одурачить тех, кто живет исключительно в словах. Те, кто хотят шагнуть за пределы слов, смогут разобраться и отсеять

ненужное.

Ты, о Троица, пребывающая за пределами всего сущего, направь нас к вершине мистического откровения...

Эта сутра требует глубокого понимания:

...направь нас к вершине мистического откровения...

На Востоке все Упанишады начинаются со следующей молитвы: «Направь нас, веди нас, будь нашим поводырем на пути из тьмы к свету. *Тамсо ма джиотиргамайя*. Мы обретаемся во тьме: О Боже, веди нас, направь нас, будь нашим поводырем, чтобы мы могли прийти к свету. Направь нас, веди нас, будь нашим поводырем из мира лжи в мир истины: *асто ма садгамай*. Мы живем в смерти, мы окружены ею – смерть окружает нас со всех сторон, как океан маленький остров. О Боже, веди нас от смерти к бессмертию, от времени к вечности: *мритьор ма амритамгамай*».

Все Упанишады начинаются с этой молитвы; она содержит в себе нечто особо важное. Дионисий также говорит:

На Востоке все Упанишады начинаются со следующей молитвы: «Направь нас, веди нас, будь нашим поводырем на пути из тьмы к свету. *Тамсо ма джиоштургамайя*. Мы обретаемся во тьме: О Боже, веди нас, направь нас, будь нашим

поводырем, чтобы мы могли прийти к свету. Направь нас, веди нас, будь нашим поводырем из мира лжи в мир истины: *асгно ма садгамай*. Мы живем в смерти, мы окружены ею – смерть окружает нас со всех сторон, как океан маленький остров. О Боже, веди нас от смерти к бессмертию, от времени к вечности: *мрительор ма амритамгамай*».

Все Упанишады начинаются с этой молитвы; она содержит в себе нечто особо важное. Дионисий также говорит: ...направь нас к вершине мистического откровения...

Хотя бога как личности, как живого существа нет, тем не менее молитва является предметом особой важности. Необходимо понять одну деталь. Люди ошибаются, полагая, что лишь услышанная молитва имеет смысл. Молитва обладает важностью для самого молящегося, и не важно, слышит ее кто-нибудь или нет. Молитва предназначена не для того, чтобы изменить бога, она меняет вас самих. Молитва помогает измениться тому, кто молится, а не тому, кому адресована молитва.

Она учит вас смирению. Когда вы молитесь, вы капитулируете. В молитве вы принимаете свою *агнозию*. Вы говорите: «Я не знаю, куда идти, как Тебя найти. Я не знаю, с чего начать. Направь меня, пожалуйста». Но смысл не в том, что существует бог, который вас направит, будет вас вести, исполнит вашу молитву. Достаточно уже одной только способности молиться; она вам поможет. Достаточно уже того, что вы можете глубоко поклониться существованию: вы теряете

свое эгоистичное упрямство. Молитва помогает вам расслабиться, молитва дает вам шанс быть свободными.

И вот, освобожденные, вы начинаете двигаться в правильном направлении без какого бы то ни было руководства. Само освобождение помогает вам находить нужную дорогу, поскольку, когда вы свободны, вы всегда движетесь в правильном направлении. Но если вы напряжены, то, даже двигаясь в правильном направлении, в итоге вы все равно ошибетесь, так как что-то неверно внутри вас. Вопрос не в направлении, а в *вашей* правильности или неправильности.

Когда вам легко, когда вы расслаблены, когда вы чувствуете себя как дома, когда вы доверяете и любите существование, ничто не может пойти в неверном направлении. В этом предназначение молитвы. Это не требование. Не нужно кричать изо всех сил, чтобы бог вас расслышал.

Великий индийский мистик Кабир проходил мимо мечети и услышал *маулви*, священника, который кричал изо всех сил, вознося утреннюю молитву.

Кабир вошел, схватил священника, встряхнул его и сказал: «Зачем ты кричишь? Ты думаешь, твой бог оглох? Зачем кричать? Даже простого шепота достаточно! На самом деле не нужно даже и шепота – все дело в твоём отношении».

Молитва – это отношение. Молитва не обязанность, а скорее качество. Назовите это «молитвенностью», и вы окажетесь ближе к истине. Молитва означает «молитвенность».

...направь нас к вершине мистического откровения, воз-

неси нас

превыше всякого света и мысли...

Мистики всегда утверждали, что бог пребывает за пределами всего мыслимого, размышлять о боге невозможно. Размышляя о нем, вы постоянно его упускаете. Стоит вам только подумать, и вы обязательно что-то упустите, поскольку мышление означает использование ума, который содержит только уже вам известное. Если вы уже познали бога, размышления не требуется. Если же вы его еще не познали, размышлять о нем бесполезно, так как ум находится в узких рамках, он ограничен миром того, что вы уже знаете. Он только снова и снова повторяет уже известное, лишенный способности отыскать дорогу к неведомому.

Ум лишен способности воспарять к неизвестному, следовательно, мышление еще никогда не оказывалось полезным. Оно мешает, очень мешает, оно еще никогда никому не помогало. Всякое мышление необходимо отбросить. Нужно прийти к такому моменту, когда мысли исчезнут.

Но Дионисий – явление действительно уникальное. Он говорит:

...превыше всякого света и мысли...

...потому что те, кто утверждал, что бог находится за пределами мысли, всегда говорили также, что он есть свет. Английское слово *divine* (божественный) образовано от санскритского корня *div*. Английское слово *day* (русское «день») имеет тот же корень. От него образованы санскрит-

ские слова *devata*, *deva*. Все они обозначают свет: *divine* означает свет, *day* означает свет, *div* означает свет, *devata* означает свет. Свет всегда считался синонимом бога.

Дионисий говорит, что это тоже проекция мысли. Вы боитесь тьмы и из-за этого страха представляете себе бога в виде света. Но свет – это тоже мысль, проецируемая разумом. Выходя за пределы мысли, вы выходите также и за пределы света.

Тогда что есть бог? Является ли он тьмой? Это положение также неверно: бог – не свет и не тьма. Тогда что есть бог? Это – *прозрачная тьма*, светящаяся тьма.

Таким образом, Дионисий пытается помочь вам преодолеть двойственную природу слов. Бог – это жизнь вместе со смертью, свет вместе с тьмой, материя вместе с сознанием, мужчина вместе с женщиной. Поэтому не задавайте мне снова этот вопрос: бог – это мужчина или женщина? Он – и то и другое, и в то же самое время ни то и ни другое. Вот почему в Упанишадах бога называют «*оно*». Конечно, слово «Оно» пишется с большой буквы, чтобы не путать его с вещью, с предметом потребления. Но бог – это «*оно*».

Западные феминистки с жаром настаивают на том, что к богу следует обращаться как к женщине, а не как к мужчине: обращаться к богу «он» – не что иное, как проявление мужского шовинистского свинства. Но называть бога «она» – значит проявлять женский шовинизм. Абсолютно никакой разницы, все остается прежним. Какую бы часть этой пары

вы ни выбрали, она будет недостаточной, поэтому следует использовать оба обращения.

...где в прозрачной тьме тайно глаголющей тишины скрыты простые, абсолютные и неизменные божественные истины.

Бога можно познать, только погрузившись в полную тишину. Но это будет не мертвая тишина. Это не тишина кладбища, но тишина сада, где поют птицы, гудят пчелы и распускаются цветы, где все наполнено жизнью.

Та тишина, к которой можно прийти через медитацию, через *агнозию*, это живая тишина. Она исполнена песен и музыки, радости и любви и совершенно лишена мыслей. Отсутствуют даже мысли о любви, радости и тишине. Но радость и *любовь* в ней присутствуют. Мысли о любви нет, ведь мысль о любви присутствует лишь тогда, когда отсутствует сама любовь. Вы думаете о радости в безрадостные минуты. Когда вам и вправду весело, вы о радости не думаете.

Ум предлагает вам заменители. Поэтому, когда вы безрадостны, ум подсовывает вам мысль о радости. Когда вы не знаете, что такое любовь, ум подсовывает вам тысячу и одно описание любви. Но если вы познали, что такое любовь, уму тогда нечего делать, он просто умолкает. Настоящая тишина – это не пустота, отсутствие чего бы то ни было. Как раз наоборот – это обилие. Она наполнена, наполнена с избытком, она переполнена и источает, но не мысли, а реальные переживания. Так тишина глаголет о тайне.

Ибо, хоть непроглядна и глубока тьма эта...

Она «непроглядна» в том смысле, что вы не можете понять, существует ли нечто на самом деле или нет. «Непроглядна» в том смысле, что вы не можете дать ей определение или ее описать. Но она...

...вместе с тем и кристально ясна. Незримая и неосязаемая, наполняет она наш незрячий разум дивными образами высшей

красоты.

В ней есть красота, но нет идеи красоты. Вы слышите музыку, но не можете ее описать, не можете описать ее даже самому себе.

Дионисий описывает два вида языка. Первый – «катафатический», то есть позитивный язык, который говорит о боге как об отце, свете, духе, силе и бытии; он говорит о том, на что *похож* бог. Но помните, что это только палец, указывающий на Луну. Ведь палец это не Луна. Катафатический язык полезен по крайней мере для тех, кто разделяет детское отношение к жизни. Ребенок может понять бога только как отца, следовательно, все религии, говорящие о боге как об отце, детские. По достижении зрелости религия окончательно отбрасывает эту идею.

Джайнизм не говорит о боге как об отце. На самом деле джайнизм вообще не говорит о боге. Буддизм решительно отказывается говорить о боге, поскольку при этом вам придется прибегать к катафатическому языку, а катафатический

язык – это в лучшем случае *приближение*. Да, но когда речь идет об истине, приближительная истина непригодна: либо вы правы, либо неправы.

Можете ли вы кому-нибудь сказать: «Я тебя почти что люблю» или «Я тебя приблизительно люблю»? Это будет выглядеть крайне глупо, смешно! Либо вы любите, либо нет. Вы не можете сказать: «Я люблю тебя на пятьдесят процентов, на шестьдесят процентов, на семьдесят». Здесь невозможно применить понятие процентного соотношения: либо все сто процентов, либо ничего.

Приблизительно описать истину невозможно. Поэтому, называя бога «светом», вы помогаете его понять, если речь идет о детях, но это определение неверно, потому что при этом отрицается тьма. Если вы называете бога «сознанием», тогда что вы будете делать с материей? Если вы называете бога «духом», тогда тело становится чем-то нечестивым, безбожным, дурным.

Именно катафатический язык ввел в заблуждение миллионы людей. Они стали отрицать тело, жизнь, любовь, радость, удовольствие и все с ним связанное! И все это из-за привычки использовать катафатический язык.

Дионисий утверждает, что катафатический язык – как музыкальная грамота: музыку невозможно описать, но вы можете проинструктировать музыкантов, дав им ноты. И тот, кто понимает нотную грамоту, тот, кто может ее расшифровать, сможет воссоздать музыку. То, что невозможно было

описать, будет услышано. Но это окольный путь. Если человек ничего о нотах не знает, он может начать поклоняться им, как будто бы это и есть сама музыка. Он может попытаться услышать ее, поднеся партитуру к уху, и удивится: «Музыки-то нет! Этот дурак говорил, что в нотах заключена прекрасная музыка, но я вообще ничего не слышу!»

Посреди оживленной улицы на коленях стоит сумасшедший, прижав ухо к асфальту. Его замечает прохожий. Весьма заинтересовавшись этой сценой и не в силах сдержать любопытство, он тоже становится на колени и прикладывает ухо к дороге.

Ничего не услышав, он обращается к сумасшедшему: «К чему вы прислушиваетесь? Я ничего не слышу».

«Да, и вот так с самого утра», – отвечает сумасшедший.

Вы не сможете услышать музыку, взглянув на ноты, – это было бы глупо – но вы сможете ее воспроизвести. Ноты не описывают – они инструктируют. Эти два слова: «описательный» и «инструктивный» – очень важны.

Все великие мастера не описывают, а инструктируют. Они не описывают бога, они только обучают вас тому, как вызвать состояние *агнозии*, состояние незнания, чтобы могло произойти познание.

Второй вид языка Дионисий называет «апофатическим». Это негативный язык, который применяется, чтобы говорить о том, чем бог не является. Он ближе к истине, поскольку при этом ничего не утверждается, ничего не говорится о са-

мом божестве. Это не *via positiva* (путем утверждения), это *via negativa* (путем отрицания). Вы просто говорите: «Бог не есть это. Бог не есть то». Вы только отрицаете.

Дионисий приводит этот язык в сравнение с человеком, который хочет высечь статую из мрамора. Он бьет по глыбе, откалывает от нее куски и отбрасывает камень за камень. Так постепенно рождается статуя.

Когда вы рядом с мастером, который знаком с использованием апофатического языка... А без него мастер не может быть мастером. Все мастера выбирали *via negativa*, *neti-neti*, ни то ни другое. Если порой они все же и применяют описательный язык, то речь их тогда рассчитана на новичков, на начинающих, а не на более зрелых и сосредоточенных адептов. Обращаясь к ним, мастера всегда используют язык отрицания. Они всегда говорят: «Это не, это не, это не...» Они последовательно избавляются от ненужного. И в конце концов, когда они отбросили все лишнее, они говорят: «Вот теперь – то, что нужно!» Но и тогда они не станут ничего описывать, они только лишь произнесут: «Вот оно! Здесь, сейчас... эта тишина... эта *агнозия*... вот оно!» Дионисий говорит:

Это моя молитва. Ты же, возлюбленный Тимофей, искренне погружившись в мистическое созерцание, откажись от чувств, работы ума – всего, что можно ощутить или узнать, всего сущего и несуществующего. Ибо так ты сможешь невольно прийти в той мере, в которой это возможно,

к пониманию цельности того, кто за пределами всего сущего и всего знания. И так чрез неколебимое, полное и чистое от-
решение от всего ты вознесешься к тому сиянию божествен-
ной тьмы, что за пределами бытия превосходит все и от все-
го избавлена.

Это нечто невероятно красивое. В письме к своему уче-
нику Тимофею Дионисий говорит:

Это моя молитва.

Настоящий мастер не может сказать ничего большего. Он
не может вам приказывать. Он не может вам говорить: «Де-
лай это! Ты должен это сделать!» Он не говорит слов «тебе
следует» или «тебе не следует». Он ни в коей мере не пыта-
ется вам ничего навязать. Он просто за вас молится. Диони-
сий говорит:

Это моя молитва.

«Я хотел бы увидеть, что это в тебе происходит. Это мое
желание, моя молитва. Поэтому не воспринимай ее как при-
каз, обязательство, которое ты должен исполнить. И если ты
ее не исполнишь, не последует никакого наказания, тебя не
бросят за это в ад на вечные муки. Не нужно мне подчинять-
ся, не нужно мне следовать. Это всего лишь моя молитва,
потому что посредством *агнозии* я пережил встречу со столь
совершенной красотой, что желал бы разделить это с тобой,
любимый Тимофей. Я хотел бы разделить это с тобой. И ес-
ли ты готов, это может произойти».

А вот и способ обрести такую готовность: искренне при-

ложить все свои усилия – не серьезно, но искренне. Есть люди, которые всегда все делают без полной отдачи, и их жизнь протекает вяло. Они никогда ничего не достигают, потому что всегда себя берегут. Они никогда ничем не увлекаются с жаром, всем существом. Они всегда стоят на одном берегу и думают о том, как далек другой берег. А когда они порой все же и предпринимают что-то, то сразу берут двух лошадей: если одна падет, под рукой всегда есть другая. Они плывут в двух лодках. Они живут двойной жизнью, и это раздвоение отражается во всех их поступках. Но сознание способно распуститься как цветок лишь при условии внутренней органической цельности. Поэтому будьте искренни:

...в мистическом созерцании, откажись от чувств...

Дионисий говорит: «Наблюдай за своими чувствами. Ты не глаз, но сознание, находящееся за глазом. Глаз – это только окно, не отождествляй себя с ним. То же относится и к остальным чувствам: они только окна. За окном стоите вы – не превращайте себя в окно! Не начинайте думать: „Я – оконная рама“.

А ведь именно этим все и занимаются. Вы начинаете отождествлять себя с чувствами, с умом, с тысячами разных вещей. И совершенно забываете при этом, что вы едины и что это единство – свидетельство, сознание, осознанность».

...откажись от чувств, работы ума...

Не вовлекайтесь в работу ума. Наблюдайте за тем, как

мысли появляются и исчезают. Постепенно работа ума прекратится.

...всего, что можно ощутить или узнать...

И продолжайте отрекаться от всего, что можно ощутить и узнать, чтобы впасть в *агнозию*.

...всего сущего и несуществующего.

И не привязывайтесь к позитивному или негативному, к теизму или атеизму.

Дионисий – редкая личность. Он высказывает мысли под прикрытием христианства, скрывая свой мистический подход, достойный Будды или Лао-Цзы, за обложкой Библии. Потому ему и удалось выжить: все было хорошо продумано. Христиане его никогда не осуждали. В противном случае его могли бы заживо сжечь или как минимум уничтожить все его письма.

Тысячи великих трактатов были уничтожены и сожжены, а те, которые удалось спасти, лежат в подвалах

Батикана. Тысячи непрочтенных манускриптов, которые никогда не поднимут наверх! Их не разрешено трогать никому.

На самом деле освобождение всех манускриптов, заключенных в «ватиканскую тюрьму», должно стать одной из задач Организации Объединенных Наций. Ведь их там миллионы, не один и не два! Это величайшее преступление! Многовековой опыт прозрений о просветлении лежит арестованный, и к нему нет никакого доступа. Католики присваивают

таким книгам особую категорию. После того как они попадают в черный список, ни одному христианину не позволяется их читать: это считается греховным поступком.

Дионисий, должно быть, был очень умным человеком, он хорошо все продумал. Он обманул Ватикан, обманул священников. В конце концов, он и сам был епископом и знал всю эту кухню со всеми ее трюками! Его трактат считается христианским, но в нем нет ничего христианского. Он не имеет никакого отношения к христианству. С ним согласился бы Иисус, но не организованное христианство.

Ибо так ты можешь невольно прийти...

Обратите внимание на слова «*невольно прийти*». К богу невозможно прийти, заведомо зная путь, так как еще до встречи с богом знающий пропадает. Тогда как же к нему можно прийти намеренно? Бог всегда приходит неожиданно. Он приходит в тот момент, когда вас нет. Когда вас нет, он вдруг вас собой наполняет. Он присутствует, когда вы отсутствуете.

...в той мере, в которой это возможно, к пониманию цельности того, кто за пределами всего сущего и всего знания. И так чрез неколебимое, полное и чистое отрешение от всего ты вознесешься к тому сиянию божественной тьмы, что за пределами бытия превосходит все и от всего избавлена.

Дионисий говорит о том же, что и Будда, который называл это *нирваной*, абсолютной свободой, о том же, что и Махавира, который называл это *мокшей*, высшей свободой. Он

использует христианскую терминологию, христианскую упаковку, но внутренняя реальность от этого не меняется.

На Востоке еще никто не комментировал Дионисия – возможно, я буду первым, потому что восточное это убеждает жителей Востока в том, что лишь они одни духовны, лишь они одни покорили Эверест сознания. Это не так. Я встречал многих, кто достиг той же вершины. Дионисий относится к их числу. Он – будда, он – джайн, равный им по высоте, глубине, качеству и временами даже их всех превосходящий, поскольку ни один будда еще не говорил: «...так ты можешь невольно прийти к богу».

Существует несколько драгоценных, редких, уникальных изречений, которые никогда раньше еще не произносились. Ни один будда не говорил об этом опыте как о прозрачной тьме, *агнозии*.

Над словами Дионисия стоит медитировать. Слушайте его сутры, погружаясь в молчание, медитируйте над каждым его словом. Если у вас появится хотя бы малейший проблеск *агнозии*, незнания, значит, вы натолкнулись на дверь, ведущую к божественному. Эта дверь находится поблизости, но ваше знание мешает вам ее найти. Оставаясь с этим знанием, вы остаетесь далекими от мистики и религии. Придите к неведению, полному неведению, и тогда вам откроются все тайны: *превзойдете все и будете от всего избавлены*.

На сегодня достаточно.

Глава 2

Бог – чрево вещатель

Первый вопрос

Ошо,

Вчера ночью после даршана мне приснилось, что ты пел песню «I'm a Stranger in Paradise». Это было просто потрясающе, и у тебя получалось действительно здорово! Ты когда-нибудь поешь и танцуешь в прямом, а не в переносном метафорическом смысле? В тебе столько грации. Не мог бы ты сделать это прямо сейчас?

Я делаю это каждое мгновение... да, даже сейчас. И не в метафорическом, а в самом что ни на есть прямом смысле. Пение и танец для меня означают гораздо больше, чем понимаете под этими словами вы. Ваше понимание очень ограничено, мое – необъятно. И это не метафора, оно поистине необъятно, безгранично.

На самом деле, как только вы осознаете свою собственную сущность, вы больше не можете заниматься ничем другим – только петь, танцевать и праздновать. До этого момента ваши песни далеки от подлинного пения, ваш смех далек от подлинного смеха. Скорее, это даже полная противоположность.

Однажды Фридриха Ницше спросили: «Почему вы все время смеетесь над такими пустяками, над которыми и смеяться-то не стоит?»

Ницше стал очень серьезным и сказал: «Я смеюсь из-за страха. Я боюсь, что начну горько плакать, если не буду смеяться – поэтому я и смеюсь».

Его высказывание я считаю чрезвычайно важным. Оно относится к вам – ко всем, кто не стал Буддой, Христом, Кришной. Вы смеетесь лишь затем, чтобы скрыть свои раны; вы поете, чтобы позабыть о слезах, и устраиваете праздники, потому что ваша жизнь полна несчастий. Чем вы несчастнее, тем больше вы ищете поводов для праздника, так как это единственный способ отвлечься от страданий.

Мой смех, моя песня, мой танец в основе своей отличаются от ваших. Я смеюсь потому, что в моем сердце нет ничего, кроме смеха; мой смех не служит прикрытием. Я пою потому, что ничего другого мне не остается: мое пение – это мое дыхание. Я ничего не делаю, это происходит само собой. Остановиться невозможно, даже если я захочу. На самом деле нет ни того, кто это делает, ни того, кто бы мог остановиться.

Но я расскажу вам анекдот...

Каждый день в бар приходил какой-то человек с коробкой под мышкой. Он спрашивал виски, выпивал его и уходил.

Через некоторое время бармен решил выведать, что у него в коробке, в обмен на бесплатную выпивку.

Мужчина открыл коробку. Внутри оказалась маленькая блоха. Она пела, и крохотный жук аккомпанировал ей на фортепиано. Бармен глазам своим не верил.

Когда владелец коробки на следующий день зашел в бар, бармен предложил ему еще одну бесплатную выпивку, потому что хотел снова послушать певицу-блоху и пианиста-жука.

Любопытство все больше разбирало бармена, и каждый день он желал видеть представление в обмен на стаканчик виски бесплатно.

В конце концов, не в силах больше сдерживать любопытство, он предложил ящик лучшего виски за секрет маленьких артистов.

Посетитель немного подумал и согласился. Он снова открыл коробку. Блоха подпрыгнула и запела, а жук подыгрывал ей на фортепиано. Посетитель сказал: «Секрет в том, что поет вовсе не блоха. Просто жук – чревоушатель!»

На самом деле, вовсе не я пою, танцую и вытворяю разные фокусы. Секрет в том, что бог – чревоушатель!

Второй вопрос

Ошо,

Я отказался от всего, к чему был привязан, но все

же некоторые тонкие виды привязанности остаются. Я привязан даже к непривязанности, к не-уму, к отсутствию не-ума. Я осознаю свое тонкое эго. Как выйти из этого порочного круга?

То, что вы осознаете этот порочный круг, есть великое благословение. Такая осознанность очень важна. Что-то сделать или исправить сделанное раньше, можно только осознавая. Но многие этого не понимают, даже люди, достигшие высот духовности, почти просветленные: еще один шаг, и они могли бы стать буддами. Но последний шаг – это ясно и очевидно – самый крошечный и неуправляемый.

Отбросить ум легко, отбросить не-ум трудно, а отбросить отсутствие не-ума очень и очень трудно, поскольку ум очень коварен, и он воссоздает себя снова и снова. Он все время отступает: вы отказываетесь от ума – он превращается в не-ум; вы отказываетесь от не-ума – он превращается в отсутствие не-ума и так далее, *до бесконечности*. Вы отказываетесь от привязанностей, и ум привязывается к самой идее непривязанное™. Вы покидаете мир, вы отрекаетесь от мира, и теперь он цепляется за самую идею отречения. Но привязанность остается. Меняется объект привязанности, но сама привязанность продолжает существовать.

На днях я получил из Голландии длинное письмо от одного из наших самых прекрасных саньясинов. Он встречался с Кришнамурти; а Кришнамурти, когда видит моих саньясинов, становится совсем как бык. Этот красный цвет... и вся

его просветленность просто испаряется! Вот почему в Испании у меня так мало саньясинов: их не любят быки!

Кришнамурти пришел в ярость, как только увидел человека в одежде саньясина. Полтора часа без перерыва он обличал привязанность к мастеру. Наш саньясин на все это только смеялся – отчего так волноваться? Он видел любовь Кришнамурти, его сострадание, его желание помочь, но чувствовал, что за всем этим стоит что-то другое; и он никак не мог понять, в чем дело. Он не мог понять, что Кришнамурти привязан к идее непривязанности. Он все еще относится к ней очень серьезно.

Моя саньяса – явление несерьезное; вообще говоря, она очень легкая, беззаботная. Она дается с любовью и смехом и принимается с любовью и смехом. В этом ее отличие от старого представления о саньясе – от представления серьезных людей, выступающих против жизни, против любви, пытающихся убежать от мира. Это совсем не бегство. Напротив, я учу своих учеников *быть* в мире – и жить со всей той тотальностью, со всей той страстью, со всей той интенсивностью, которые только возможны.

Всю свою долгую жизнь Кришнамурти носил в душе глубокую рану. Его воспитывали теософы и с самого детства внушали ему тысячу и одно правило. Его воспитывали с определенной целью: он должен стать Учителем Мира, он должен стать новым Христом, Мессией, благодаря ему мир будет спасен – он не был обычным ребенком. Его готовили

к роли проводника бога, чтобы бог мог низойти на него, и чтобы он стал глашатаем бога. Естественно, это требовало жесткой дисциплины, его практически замучили дисциплиной.

Братьев было двое – Кришнамурти и Нитьянанда, и готовили их обоих. Нитьянанда умер. И мне кажется, он умер из-за чрезмерной дисциплины: пост, йога и огромное количество оккультных и эзотерических практик, которые они должны были пройти. А ведь они были совсем юными и очень хрупкими. Кришнамурти тогда было всего девять лет. Они должны были вставать очень рано, в три часа утра, и начинались занятия.

Лидбитер, который управлял их жизнью, был жестоким надсмотрщиком. И не только жестоким надсмотрщиком, но вдобавок еще и гомосексуалистом. И его интерес к маленьким детям тоже имел сексуальную подоплеку. Его заставляли в весьма компрометирующих позах даже рядом с Кришнамурти!

Эти раны еще дают о себе знать. Кришнамурти не может простить Лидбитера. Прошло полвека или больше. Умер Лидбитер, умерло теософское движение, но глубокие рубцы от тех отношений, что существовали между наставником и учеником, от занятий, от посягательств, от послушания, еще не затянулись. По прошествии времени они стали очень тонкими. Почти пятьдесят лет Кришнамурти сражался с призраками того, чего давно нет. Он и сейчас продолжает раз-

махивать кулаками в воздухе, воюя с несуществующими тенями.

Моя саньяса и мое существование так непривычны для него, что он не может их понять – и он не приложил ни малейшего усилия для этого. Полтора часа он долдонил: «То, что ты сделал, очень опасно. Никогда не становись ничьим учеником! Не цепляйся за мастера!»

Наш саньясин не один раз вежливо напоминал Кришнамурти: «Я ни за кого не цепляюсь. Мой мастер не одобряет привязанности: он предоставил нам полную свободу. Мы пришли к нему по доброй воле, и, если когда-нибудь мы решим уйти... он не станет нас задерживать».

Но Кришнамурти не желал ничего слышать. Он не может понять этого *нового* феномена: *нового* вида отношений между мастером и учеником, отношений, в основе которых нет никакой зависимости.

Не думайте, что вы прикованы ко мне цепями, я не считаю вас своими рабами. Здесь я пытаюсь помочь вам обрести свободу, полную свободу, в том числе и от меня. Вы должны быть свободными от всего, в том числе и от меня. И если вы остаетесь со мной, то не потому, что вы от меня зависите, а потому, что вы благодарны за полученную свободу. Разве можно не любить отношения, в основе которых лежит свобода?

Отношения, не допускающие свободы, закрепощающие вас, подрезающие вам крылья, опутывающие вашу душу це-

пиями и не позволяющие вам быть самими собой, становятся уродливыми. Я не навязываю вам никаких правил, не настаиваю на дисциплине. Любовь, свобода и осознанность – мое единственное послание.

Но Кришнамурти совсем ничего не слышал.

Наш саньясин пишет: «Я вышел оттуда с головной болью». Это естественно: Кришнамурти сам страдает головными болями! Пятьдесят лет его непрерывно мучают головные боли, жестокие головные боли; это не обычная боль, она не проходит несколько дней. Иногда голова болит так сильно, что ему хочется разбить ее о стену!

И причина в том, что он, как вы говорите, от всего отказался, но у него возникла новая привязанность, привязанность к непривязанности, цепляние за независимость. Он достиг состояния не-ума, но оказался не в силах отбросить саму эту *идею*.

И даже если вы отбросите идею не-ума, а затем привяжетесь к отсутствию не-ума, это не поможет. Все та же игра! Она становится все более и более тонкой, и чем она тоньше, тем опасней, потому что вы перестанете ее замечать. Она затаится на такой глубине внутри вашего существа, что сознание не сможет туда проникнуть. Она отравит сам его источник.

Ты говоришь: «Я отказался от всего, к чему был привязан...»

Кто вам сказал, что нужно отказываться от всех привязанностей? Отсюда, с момента отказа, и начинается порочный круг. Теперь вы привязываетесь к идее отказа. Затем возникает новое эго: «Я отказался от всего, к чему был привязан». И внезапно вы понимаете – и *хорошо*, что вы понимаете: «Теперь я начинаю привязываться к этой идее. Что делать дальше?» Вы можете отбросить даже эту идею и будете чувствовать себя еще более счастливым, гордиться этим еще больше: «Смотри-ка!»... Вы будете благодарить самого себя: «Смотри! Ты совершил чудо. Ты отбросил даже идею о непривязанности». Но она снова здесь, она пришла с черного хода.

Ты спрашиваешь меня: «Как выйти из этого порочного круга?»

Прежде всего, зачем вообще в него попадать? Я не призываю вас отбросить привязанности. Я призываю вас их понять. Этого достаточно. Посмотрите, что ваши привязанности собой представляют – без попыток их отбросить, без суждений и оценок. Просто посмотрите, что это такое. Каковы бы они ни были, они существуют. Что поделаешь? Они существуют – так же, как глаза, руки и ноги, определенный цвет ваших волос и кожи. Примите их! Революция начинается с этого принятия.

Когда вы принимаете свои привязанности и начинаете их понимать *без* намерения отбросить... Запомните: ваше понимание не может быть глубоким и целостным, если за ним стоит идея отбрасывания; эта идея будет мешать. Зачем отказываться от того, к чему вы привязаны? Бог не отказывался от своей привязанности к миру – зачем же вам отказываться от своей привязанности?

Я ни разу в жизни не отказывался ни от одной привязанности. Я снова и снова их рассматривал, наблюдал; а когда вы видите их насквозь, происходит чудо: внезапно вы обнаруживаете, что привязанности больше вас не связывают. Они никуда не исчезли, но стали далекими, как горизонт, и такими же несуществующими. Они больше вас не связывают. Вы можете *жить* в мире и вместе с тем ему *не принадлежать*.

В этом суть моего видения саньясы. Будьте как лист лотоса, который растет в озере, не касаясь воды. Тогда нет никакого порочного круга. Вы сами его создаете, а потом спрашиваете, как из него выйти. А любая попытка выйти будет снова и снова его создавать.

Мой скромный совет: пожалуйста, не начинайте эту глупость! Лучше ее вообще не начинать. Стоит вам только начать, и тогда от нее уже практически невозможно избавиться.

Третий вопрос

Ошо,

Что означает быть религиозным? Каким будет главное качество религиозного человека после того, как наступит осознанность?

Религия не смогла создать в людях ничего, кроме эго. Она дала людям идеи превосходства, величия и незаурядности. По существу, религия интересовала только самых эгоистичных людей. Удовлетворить запросы эго в религии гораздо легче, чем в любом другом измерении жизни.

Если вы захотите стать самым богатым человеком в мире, это будет непросто; но если вы захотите отречься от мира, сделать это будет легко. Чтобы стать самым богатым человеком в мире, вам потребуется многое. Потребуется определенная разумность, постоянные усилия, неколебимый, стойкий и сильный ум, верный выбранной цели, – чтобы он не смог отказаться от нее или ее изменить. Вы должны будете упрямо и слепо идти к цели, даже если все вокруг вас изменится. Потребуется определенная сила воли, хитрость и смекалка; придется отбросить щепетильность и стать амбициозным политиком, который стремится выиграть гонку, не заботясь ни о каких моральных ценностях, постоянно напоминаям себе, что цель оправдывает средства. Применяйте силу, обман, бесчестье, *если* это выгодно.

Говорят: «Честность – лучшая политика». Но помните, это политика, а не истинная ценность, это не то, что ценно по своей внутренней природе. Такая политика хороша, пока она выгодна; но если она не выгодна, то лучшая политика –

это бесчестье.

Вам придется тщательно следить за своими словами и поступками, потому что вам придется много врать. Вам нужна очень хорошая память, иначе вы будете забывать, что говорили вчера и что собирались сказать сегодня.

Политику необходима очень хорошая память. Он может не отличаться особым умом, но ему нужна хорошая память; это не одно и то же. Хорошая память явление механическое; развитый ум – явление совершенно другого порядка. Такие люди, как Альберт Эйнштейн и Томас Алва Эдисон, отличались незаурядным умом и посредственной памятью – высочайший интеллектуальный уровень в сочетании с никудышной памятью. И были люди, у которых великолепная память сочеталась с совершенно неразвитым умом.

Как-то раз я был в Университете Хинди в Бенаресе. Мне представили человека, у которого было две дюжины степеней магистра гуманитарных наук – две дюжины! Еще можно встретить человека, у которого их две. Но двадцать четыре!.. Он установил мировой рекорд. Еще ни один человек не удостоивался звания магистра по двадцати четырем предметам.

И этот человек был абсолютно глуп! На самом деле я был абсолютно уверен в его глупости, даже пока я его не видел. Всю жизнь он потратил на коллекционирование дипломов. И когда я ему сказал: «Похоже, вы глупец!» – он страшно обиделся! Он воскликнул:

– Вы первый, кто так со мной говорит! Обычно все меня хвалят!

Но я ответил:

– Я не вижу в ваших глазах того качества, которое свидетельствовало бы о наличии ума. Я не нахожу в вас никакого остроумия. Вы получили столько дипломов, но пока вы коллекционировали все это барахло, вы кое-что утратили. У вас хорошая память, но ум совершенно не развит.

Память не обязательно сопутствует интеллекту.

В прошлом простейшим способом удовлетворения эго была религия. Не нужно ни ума, ни памяти, ни воли, ни борьбы. Слабая, бессильная личность – вот и все, что нужно. Все, что нужно, – это быть трусом, не способным сражаться в миру. Такой человек может уйти в монастырь и стать там великим святым, просто сбежав от жизни. Его день в монастыре абсолютно лишен творчества: он ничего не делает, не приносит миру никакой пользы. Если он вообще чем-то и занимается, то только самоистязанием. Он может поститься, молиться по пять раз в день, принимать разные позы йоги, часами простаивать на голове, ходить голым на жаре или холоде – совершать над собой всевозможные насилия. И эти качества считались похвальными, в высшей степени достойными похвалы.

Мы превозносили глупцов как святых, восхваляли лишенных творчества людей как религиозных и духовных личностей. Они ничего не дали этому миру; и именно из-за них

мир так страдает.

Религия занимала в Индии такое доминирующее положение, как ни в одной другой стране. Вы сами можете видеть последствия! Индия превратилась в ад на *земле*. Люди голодают, умирают от голода; они истощены, больны, они погибают, они погружены в летаргию, у них нет ни энергии, ни желания что-либо делать, они безнравственны во всех отношениях. И все-таки они считают себя духовными, потому что раз в месяц или раз в неделю они постятся, или каждый день ходят в храм, или каждый день читают Гиту, или каждый день распевают какую-нибудь глупую мантру, воображая, что занимаются Трансцендентальной Медитацией. Но медитативное™ что-то нигде не видно. В их жизни нет покоя, безмолвия, радости.

И не заметно ничего такого, что можно было бы посчитать итогом многовековой религиозности.

Я представляю религию совершенно иначе.

Ты спрашиваешь: «Что означает быть религиозным?»

Для меня быть религиозным означает многое, поскольку религия – явление многомерное. Во-первых, это состояние отсутствия эго; прежде всего, это глубокое приятие собственной пустоты. Религия – это не лестница, по которой можно взобраться выше других. Это не стремление достичь некоторого превосходства; напротив, это расслабление

в собственной обычности. Религиозный человек не чувствует себя выше или ниже других: он вообще никогда не сравнивает себя с другими. Он не может сравнивать, четко понимая, что сравнение будет вообще невозможным, так как двух одинаковых людей не существует. Как можно сравнивать непохожих людей? Будду невозможно сравнить с Кришной, Кришну с Христом, Христа с Мухаммедом, Мухаммеда с Кабиром, Кабира с Нанаком. Это совершенно невозможно. Ни одного человека нельзя сравнить с другими: каждый человек уникален.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.